

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: adelgejm@yandex.ru

Отсроченная любовь: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского

В статье анализируется место, которое занимал Неаполь в творчестве крупнейшего польского писателя-эмигранта XX в. Густава Герлинга-Грудзиньского (1919–2000). Герлинг провел в этом городе почти столетия (1955–2000), и его проза отразила сложный путь от внутреннего противостояния к приятию Неаполя. Материалом для анализа послужил прежде всего опубликованный в 1971–2000 гг. дневник писателя («Дневник, писавшийся ночью»). В статье также рассмотрены значимые для понимания формирования мировоззрения и мироощущения Герлинга биографические факты (ГУЛАГ, армия Андерса, эмиграция). Дневник Герлинга, включающий эссе и рассказы, является поразительным примером взаимопроникновения документального и художественного, поступательного и ретроспективного, опытом создания единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора. Ментальность неаполитанцев оказалась созвучна вектору художественной рефлексии писателя, а структура Неаполя (города, открытого подземному миру и общающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) — близка нарративной стратегии Герлинга. Неаполь (повседневные наблюдения, архитектура, живопись, скульптура, городские хроники, легенды, слухи и пр.) являлся для него прежде всего *источником* вдохновения и рефлексии — основой, на которой Герлинг, манипулируя границей между вымыслом и документальностью, создавал рассказы-притчи о человеческих страстях и судьбах, а также исторические рассказы-параболы. Обращение к прошлому Неаполя было для писателя-эмигранта и способом адаптации. С точки зрения художественно-психологических механизмов обживания чужого пространства наиболее значимыми в диалоге с городом представляются две функции. Неаполь играл для Герлинга роль пространства-посредника, которое позволяло пережить в тексте невозможное (встречу с умершей женой) или замалчиваемое (еврейское происхождение), а также пространства-двойника, которое утешало и примиряло с собственной драматической судьбой, представавшей не исключением.

Ключевые слова: дневник, документ, вымысел, адаптация, пространство-посредник, пространство-двойник

Статья поступила в редакцию: 28 февраля 2025 г.

Статья принята к публикации: 12 апреля 2025 г.

Цитирование: Адельгейм И.Е. Отсроченная любовь: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 91–114. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.4>

Понимание того, как складывались отношения крупнейшего польского писателя-эмигранта XX в. Густава Герлинга-Грудзиньского (1919–2000) с Неаполем, где он провел чуть меньше половины столетия и чуть больше половины своей жизни, невозможно без знания предыстории этого «благополучного изгнания»¹.

Герлинг-Грудзиньский родился в уже независимой Польше, до Второй мировой войны успел два года проучиться в университете имени Юзефа Пилсудского в Варшаве. Тогда же он начал активно заниматься литературной критикой под руководством Людвика Фрыде — «гуру молодых полонистов того времени»², оказавшего на юношу огромное влияние³.

В 1939 г. Герлинг участвовал в создании одной из первых варшавских подпольных организаций (*Polska Ludowa Akcja Niepodległościowa* («Польская народная акция независимости»)). В связи с этой деятельностью в 1940 г. он оказался в Гродно, откуда, узнав, что им интересуется НКВД, попытался перебраться в Литву, однако был арестован (март 1940 г.). После пересыльных тюрем в Витебске, Ленинграде и Вологде Герлинг получил пятилетний срок и попал в Каргопольский исправительно-трудовой лагерь.

Так для двадцатилетнего Герлинга начался период, позже описанный им в книге «Иной мир. Советские записки» (1949–1950 гг.), первая часть названия которой до сих пор является в Польше знаковой. По словам Б. Скарги, Иной мир — это «мир человеческих ценностей, вывернутых наизнанку, мир, лишенный надежды, лишенный сострадания <...>, заключенный в панцирь безразличия»⁴. Р. Лахманн, отталкиваясь от формулы Х. Арендт, определяет опыт

¹ Набоков В. Расстрел // Набоков В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 186.

² Herling-Grudziński G. Wyjścia z milczenia // Kultura. 1961. № 11/169. S. 31.

³ Kudelski 1991: 12.

⁴ Цит. по: Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. Т. 2. 1982–1992. S. 359.

Герлинга как «“практику” зла»⁵. Российский исследователь творчества писателя Л. А. Мальцев называет двухгодичное пребывание Герлинга в ГУЛАГе «реализацией дантовского хронотопа, связанного с путешествием в загробный мир»⁶.

После подписания пакта Сикорского — Майского (Лондон, 30 июля 1941 г.) о создании на территории СССР польской армии Герлинг — из-за доноса товарища — не был амнистирован и вышел из лагеря только в конце января 1942 г. в результате голодовки, едва не закончившейся смертью. Добравшись до военной миссии в Челябинске, он присоединился к «войску узников под предводительством узника», армии «полуживых скитальцев, вчерашних заключенных и ссыльных»⁷. В конце марта 1942 г. полк, в который был зачислен Герлинг, покинул СССР. О дальнейшем своем пути, который вел через Персию, Ирак, Палестину, Египет и Италию, Герлинг напишет в эпилоге «Иного мира», что это были — после «глубочайших бездн (лагерного. — И. А.) ада»⁸ — «три года свободы, <...> три года обычных человеческих чувств», и добавит: «Время нашей жизни не похоже на время нашей смерти»⁹. Тем не менее это были три военных года, и Герлинг, хоть и продолжал писать, провел их на фронте, дважды отклонив предложение (в 1943 г. — Ежи Гедройца, в 1944 г. — Юзефа Чапского) перейти в Отдел прессы и пропаганды.

В Италии он оказался на рубеже 1943–1944 гг. Судьба распорядилась так, что до битвы под Монте-Кассино (1944 г.), за которую Герлинг получил орден *Virtuti Militari*, и дальнейшего участия в Итальянской кампании он успел познакомиться (находясь в военном реабилитационном центре в Сорренто) с крупнейшим итальянским философом Бенедетто Кроче, чьими текстами интересовался еще в студенческие годы.

⁵ Лахманн 2024: 391.

⁶ Мальцев 2022: 134. Характерно, что рабочим названием будущей книги было «Мертвые при жизни», и Герлинг на протяжении всего текста неоднократно пытался описать именно опыт соприкосновения со смертью.

⁷ *Czapski J., Herling-Grudziński G. Dialog o Dowódcy // Kultura. 1970. № 7/274–8/275. S. 16. Цит. по: Kudelski 1991: 16.*

⁸ *Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки / пер. Н. Горбаневской. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 187.*

⁹ Там же. С. 342.

После окончания Второй мировой войны Герлинг принял решение остаться на Западе, однако от Неаполя его отделяли еще два очень разных отрезка судьбы.

Первый — счастливый — римский. Герлинг активно печатается (в это время состоялся его книжный дебют¹⁰), участвует вместе с Е. Гедройцем в создании будущей легенды польской эмиграции — издательства *Instytut Literacki* («Литературный институт») и выпускавшегося им журнала *Kultura* («Культура»)¹¹, женится на художнице Кристине Доманьской, с которой познакомился во время войны. Спустя много лет в дневнике он напишет:

[М]ы оттаивали, мы были счастливы. <...> Уже знали, что не вернемся, что начинаются наши эмигрантские скитания, и все же это было подлинное счастье после нескольких лет тюремных нар и армейских палаток¹².

И второй — самый тяжелый (не считая лагеря) период, связанный с Лондоном (1948–1952 гг.; работа в эмигрантском еженедельнике *Wiadomości* («Известия»)), где покончила с собой жена Герлинга, и Мюнхеном (1952–1955 гг.; работа в польской редакции «Радио Свобода»). Тем не менее именно в Лондоне Герлинг познакомился с А. Вайсбергом (1901–1964), и дружба с физиком, прошедшим через советский и нацистский лагеря, а также помощь ему в работе над мемуарами укрепили решимость написать собственное свидетельство¹³.

¹⁰ Высоко оцененный Ю. Чапским сборник эссе «Живые и умершие» (1945 г.).

¹¹ По словам А. Михника, они «сопутствовали польской интеллигенции во всех ее радостях и горестях» (цит. по: *Giedroyc J., Jeleński K. A. Listy 1950–1987*. Warszawa: Czytelnik, 1995. S. 478). Сам Герлинг вспоминал: «Я отлично понимал весь масштаб задачи, за которую взялся Гедройц. Когда мы решили не возвращаться в Польшу, перед нами встал вопрос: “Что делать?” *Instytut Literacki* был весьма конкретным ответом» (*Гроховская М. Ежи Гедройц. К Польше своей мечты*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 164).

¹² *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 199.

¹³ Эта потребность возникла еще в лагере, а писать Герлинг начал сразу после освобождения: «Еще одним доказательством моего быстро идущего выздоровления стал тот факт, что сразу по приезде в Свердловск мне захотелось писать и на последние копейки я купил на станции блокнот с карандашом» (*Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир*. С. 323). В 1949 г. он за один месяц написал шесть глав будущей книги, законченной в следующем году. Работу над «Иным миром» Герлинг считал началом своего писательского пути: «В тот момент, можно сказать, я родился как писатель» (*Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei*. Warszawa: Szpak, 1997. S. 94).

В 1955 г. вместе с женитьбой на дочери Б. Кроче Лидии начинается неаполитанский этап жизни Герлинга, продлившийся сорок пять лет.

Герлинг прекрасно знал итальянский язык¹⁴, дружил с Иньяцио Силоне и Николо Кьяромонте, печатался в итальянской периодике¹⁵, в 1958 г. на итальянском языке вышел сборник его эссе о русской и советской литературе «От Горького до Пастернака. Размышления о советской литературе»¹⁶. Он сотрудничал с польскими эмигрантскими изданиями, его книги публиковались в издательстве *Instytut Literacki*, в деятельности которого писатель сам в разные годы принимал активное участие. Герлинг выступал как авторитетный критик и литературовед, специалист по польской, русской и советской литературам, переводчик с английского, итальянского и русского языков. О нем писали (в том числе Ю. Чапский, Е. Стемповский, К. Вежиньский, Ю. Витлин), он получал премии. Писатель поддерживал постоянные контакты с представителями польской культурной элиты, с эмигрантами и теми, кто приезжал из Польши¹⁷. Хотя в ПНР, за исключением периода польской «оттепели» и так называемого карнавала «Солидарности» (август 1980 г. — введение военного положения 13 декабря 1981 г.), само имя Герлинга в официальной печати было под запретом (кроме упоминаний, сопровождавшихся негативными комментариями), тексты его проникали в страну, а после создания в 1978 г. «второго круга обращения» (развернутой системы

¹⁴ Однако всю жизнь он ощущал дистанцию по отношению к неродному языку: «Итальянский — первый встреченный мною в скитаниях по миру иностранный язык, с которым меня связывают личные отношения, опирающиеся не только на беглое и хорошее знание, но и на более глубокое чувство. Это язык, который все больше меня очаровывает. Время от времени я пишу для итальянской периодики и вижу, что мои тексты не требуют особой правки. И все же <...> у меня чувство, что я касаюсь этого языка рукой в толстой перчатке. А не так, как родного языка, напрямую — голой ладонью, тонкой чуткой кожей» (*Herling-Grudziński G. Dziennik pisany poć. T. 2. S. 783*).

¹⁵ Прежде всего в антикоммунистическом издании *Tempo Presente* («Настоящее время»), а также в *Il Monde* («Мир»), *Elsinor* («Эльсинор»), *L'Espresso* («Экспресс»), *La Fiera letteraria* («Литературная ярмарка»), *Settanta* («Семьдесят»), *Corriere della Sera* («Вечерний вестник»), *Il Giornale* («Газета»).

¹⁶ В 1969 г. эти эссе вышли по-польски в Париже под названием «Призраки революции» (*Upiory rewolucji*).

¹⁷ Он также общался с представителями русской эмиграции, а в середине 1970-х годов вместе с Ю. Чапским и Е. Гедройцем вошел в редакционный комитет журнала «Континент».

самиздата) издавались там подпольно и были весьма востребованы¹⁸. Однако практически до второй половины 1980-х годов писатель не ощущал себя *естественной* частью общественной жизни и круга чтения — ни итальянского, ни польского.

Если в ПНР трудности были связаны со статусом писателя-эмигранта, то в Италии они объяснялись левыми настроениями первых послевоенных десятилетий и ситуацией с публикацией «Иного мира». Английская версия книги, вышедшая в 1951 г. в Лондоне с предисловием Бертрانا Рассела (отметившего как исключительность свидетельства Герлинга, так и художественные достоинства текста), была высоко оценена и в течение двух лет несколько раз переиздана в Великобритании и США, появилось также девять переводов на другие языки. Однако, по словам Р. Лахманн, «всерьез его книгу, на десятилетия опередившую “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, восприняли только после выхода последнего»¹⁹. По-итальянски «Иной мир» был издан в 1958 и 1965 гг., однако, по словам П. Синатти:

[О]бе публикации прошли почти незамеченными²⁰. <...> Для Итальянской коммунистической партии, в то время пользовавшейся большим влиянием в сфере издательского дела и среди итальянской интеллигенции, обсуждение советских лагерей находилось под негласным запретом, за редкими исключениями²¹.

На польском языке «Иной мир» вышел в Лондоне (1953 г.), затем в Париже в издательстве *Instytut Literacki* (1965, 1972, 1979, 1982 гг.) и в Польше (1980 г. — подпольное издание, 1989 г. — первое официальное).

Положение начало меняться лишь во второй половине 1980-х годов, а 1990-е годы стали, по выражению Э. Беньковской, «поразительной

¹⁸ По воспоминаниям Э. Беньковской, ее поколение «зачарованно впитывало» то, как Герлинг писал «о сегодняшнем дне, о дне вчерашнем — еще не остывшем, о современном Западе, о Польше, о России» (Biełkowska 2002: 34).

¹⁹ Лахманн 2024: 392. Во Франции «Иной мир» был опубликован спустя десятилетия, именно после издания «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Подробнее о переписке с А. Камю, который прилагал усилия для издания книги Герлинга во Франции, см.: *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. Kraków: Baran i Suszczyński, 1998. S. 46.

²⁰ Первое издание, по словам Т. Марроне, «бойкотировалось» (*Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 14), реакцией на второе стало «требование римской левой газеты выдворить Герлинга из страны» (*Гроховская М. Ежи Гедройц*. С. 307).

²¹ Синатти 2013.

компенсацией²² за беды и горести судьбы, за годы немоты, за все сомнения, за упорный труд над собой», «чудесным финалом»²³ писательской судьбы — и в Польше, и в Италии, и на Западе в целом²⁴. В 1991 г. Герлинг написал, что «перестал быть польским писателем в изгнании и стал польским писателем, живущим в Неаполе»²⁵.

Эта не удовлетворявшаяся десятилетиями потребность быть услышанным в полной мере («Я постоянно осознавал, что есть границы, которые я не могу переступить»²⁶) определяла очень многое в мироощущении Герлинга:

[М]оя жизнь в Неаполе была пустынно и одинока. <...> Я отчетливо ощущаю утрату тени. <...> Не в том смысле, что на родине тени политических эмигрантов подвергаются преследованиям, их кромсают чиновничьи ножницы. Есть еще нечто неуловимое, что наполняет меня <...> горечью и завистью, когда я всматриваюсь в свое итальянское окружение²⁷.

Осев в Неаполе в 1955 г., Герлинг систематически вел дневник, который с 1971 г. публиковал (под названием «Дневник, писавшийся ночью», 1971–2000 гг.) в эмигрантском журнале *Kultura*, а затем, после окончательного разрыва с Е. Гедройцем в 1995 г. — в варшавской газете *Rzeczpospolita* («Речь Посполитая»). Ранее на протяжении полутора десятилетий (1953–1969 гг.) в *Kultura* печатались дневниковые записи другого польского эмигранта — Витольда Гомбровича. Это два знаковых для польской литературы писательских дневника, повлиявших на представления о границах автобиографического нарратива.

Гомбрович, открывший жанр «дневника-вызова (читателю. — И.А.)», «весь свой дневник превратил в литературу»²⁸. Герлинг

²² Сам Герлинг в беседе с Т. Марроне заметил, что его признание в Италии в эти годы нельзя считать компенсацией, так как «культурный остракизм, которому он подвергся, компенсировать невозможно» (*Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 19).

²³ Bienkowska 2002: 13.

²⁴ Подробнее см.: Kudelski 1991: 27–29.

²⁵ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 783.

²⁶ *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 19.

²⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. 1971–1981. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011. S. 290.

²⁸ Czermińska 2000: 24. «Он был суверенным властителем своего творчества, разыгрывал от первой до последней книги грандиозную шахматную партию, зная, какую

сделал следующий шаг, заставив адресата «играть одновременно две взаимоисключающие роли: читателя документа и читателя вымышленного повествования»²⁹. Если, перефразируя Э. Ожешко, которая определяла роман как зеркало, а новеллу — как осколок зеркала³⁰, назвать жанр дневника зеркалом, составленным из осколков, то у Гомбровича — это кривое зеркало, почти полностью «обернутое» вокруг него самого, а в случае Герлинга — зеркало, отражающее автора на фоне эпохи³¹. Идеал дневника Герлинг формулирует как полотно, запечатлевающее «историю, сорвавшуюся с цепи», в углу которого едва намечен «крошечный <...> автопортрет наблюдателя и хрониста»³² — автора. Эта формула не могла быть реализована им в полной мере: «полемический темперамент, <...>, страстная любовь к искусству и нежность по отношению к итальянскому пейзажу» наполняют строки того, кто вызвался быть лишь «наблюдателем и хронистом», мощным личностно-эмоциональным началом, так что его автопортрет из наброска постепенно превращается «в огромную, яркую фреску»³³. По словам Э. Беньковской, «Хроника, писавшаяся ночью — буквально или метафорически — это нечто большее, чем “хроника”»: в ночной тиши <...>, ее мнимая летописная дистанция оборачивается страстью, гневом, страданием»³⁴. Л. А. Мальцев, предлагающий подробную классификацию дневникового жанра³⁵, приходит к неизбежному в случае Герлинга выводу: попытка рубрикации

фигуру, почему и зачем передвигает в данный момент на доске; поэтому его дневник был не мрачным и разрытым “писательским подпольем”, но автономным <...> *законченным* повествованием о себе и собственном творчестве. Когда Гомбровича в конце жизни спросили о планах на будущее, он ответил одним словом: “Смерть”» (*Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 745).

²⁹ Czermińska 2000: 24, 50.

³⁰ «Если роман — это зеркало, в которое человек, поколение, человечество могут смотреться снаружи и изнутри, с ног до головы, то новеллу можно считать таким осколком зеркала, в котором отражается один глаз, одна улыбка, одна слеза, одна гримаса, одно движение души» (Orzeszkowa 1985: 383).

³¹ Неслучайно И. Фуриал называет дневник Герлинга «хроникой Европы» (Furiel 1997: 156), а З. Кудельский, отсылая к рассуждениям М. Черминьской о двух полюсах автобиографизма — интроверсии и экстраверсии (Czermińska 1982: 229), «размещает» на них соответственно дневники Гомбровича и Герлинга (Kudelski 1991: 118–119).

³² *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. 1971–1981. S. 547.

³³ Czermińska 2000: 36.

³⁴ Bienkowska 2002: 35–36.

³⁵ Он выделяет три «дневниковых рода» (экстравертный, интровертный, комбинированный) и семь видов (дневник-хроника, дневник-публицистика, дневник-исповедь,

«Дневника, писавшегося ночью» «обречена на неудачу» — в зависимости от интересов читателя, его «можно счесть “интровертным”, “экстравертным” или “диалогическим”, отнести к любому из семи видов»³⁶.

Э. Беньковская неслучайно назвала текст Герлинга «одним из самых удивительных дневников на свете»³⁷. Это блестящая демонстрация гибкости дневникового жанра, поразительный пример взаимопроникновения документального и художественного, поступательного и ретроспективного³⁸, с разной, иногда парадоксальной, степенью открытости, разной степенью этической непримиримости. Дневник Герлинга постепенно «обрастал» эссе и рассказами, вбирал их в себя, взаимодействовал с ними. Грань между рассказом, эссе и дневниковой записью нередко оказывается размыта, но в целом следует согласиться с Л. А. Мальцевым: рассказы, как правило, выполняют «кристаллизационную функцию в хаосе событий»: если «на уровне простых записей авторская мысль движется по кругу до бесконечности», то на уровне рассказов — «восходит по спирали: от факта к метафоре, от репортажа к параболе»³⁹.

Служа тому, что Герлинг считал задачей литературы — поиску «узора судьбы»⁴⁰, гармонии, которую можно вычитать во фрагменте реальности, — различные типы нарратива в его дневнике сплетаются, художественное и документальное, автобиографическое и псевдоавтобиографическое соприкасаются, пересекаются, отзываются эхом. Одно комментирует, интерпретирует, продолжает, переписывает другое; между автором, нарратором и героем идет «сложная игра схождения, мистификации, правды и вымысла»⁴¹. Представляется, что внутренней сверхзадачей при этом является не вызов читателю, не игра с ним, но создание некоего единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора.

дневник-лаборатория, дневник-корреспонденция, дневник-игра, дневник о дневниках) (Мальцев 2008: 28–29).

³⁶ Мальцев 2008: 36.

³⁷ Bieńkowska 2002: 89.

³⁸ Л. Я. Гинзбург противопоставляет «поступательную динамику» дневниковых записей «ретроспективной динамике» романа (Гинзбург 1989: 171).

³⁹ Мальцев 2008: 25.

⁴⁰ *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei*. S. 48.

⁴¹ Bolecki 1998: 65.

На протяжении почти полувека ежедневные прогулки по Неаполю спасали Герлинга от депрессии и одиночества, а позже, после нескольких инфарктов, стали лекарством в буквальном смысле. В Неаполе писатель ощущал и целительную противоположность пезрежитому⁴², и то, что позволяло внутренне сблизиться с городом.

Никогда не забуду, что в 1943 году, когда я впервые попал сюда, для меня было подлинным утешением бродить по неаполитанским переулкам, жители которых, вовсе не купавшиеся в роскоши, зазывали в гости, угощали вином, делились куском хлеба. Эта сердечность повседневной жизни <...> потрясала⁴³,

— заметил он в беседе с Т. Марроне и в дневнике не раз возвращался к этой теме. В восприятии Герлинга Неаполь — город, знающий страдание, однако страдание человеческое и имеющее голос (в отличие от лагерного — бесчеловечного и безмолвного): «В Неаполе, особенно в небольших церквях в “рабочих районах”, нередко можно услышать громкие мольбы и жалобы у алтаря»⁴⁴.

Неаполь стал для Герлинга прежде всего естественным источником вдохновения и рефлексии. Неаполитанские сюжеты, наряду с польскими, — наиболее частая тема его творчества, материал дневниковых записей, пространство действия многих рассказов.

Герлинг пишет о повседневности Неаполя, «хитросплетении закоулков»⁴⁵, дольше всего хранивших дух прежнего города, описывает суеверия и обычаи (например, *iettatura*, то есть дурной глаз, или Чудо святого Януария), с удивительной тонкостью и живописностью запечатлевает сценки, звуки, цвета, ощущения воздуха и светотени. В текстах отражены топонимика и архитектура, фигурируют любимые или особенно интересовавшие писателя места, фрагменты их истории: церковь Санта-Кьяра, церковь Санта-Мария-Донна-Реджина (к которой «неизменно вели»⁴⁶ все его прогулки), Пинакотекa

⁴² Л. А. Мальцев сделал интересное замечание о дополняющем «мировоззренческую оппозицию Восток — Запад» «лично-психологическом противопоставлении Север — Юг», в котором «русский и британский Север пространственно образуют единый трагический мир» (Мальцев 2004: 272).

⁴³ *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 103.

⁴⁴ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 673.

⁴⁵ *Ibid.* S. 95.

⁴⁶ *Ibid.* S. 40.

во дворце Каподимонте и вид оттуда на город, Испанские кварталы, оссуарий Фонтанелле и кладбище Поджореале (где теперь — рядом с Бенедетто Кроче — покоится и он сам), мост Санита, «вырастающий, словно костыль, на который опирается спящий город»⁴⁷, Чертоза-ди-сан-Мартино, собор Сан-Дженнаро и Чудо святого Януария, Спакканаполи, площадь и церковь Джезу-Нуово и др. Герлинг создает «оригинальный вариант топографической хроники (“топо-хроники”», раскрывая перед читателем «разномасштабную “карту” городской архитектуры»⁴⁸ (особенно выразительные образцы которой можно обнаружить в рассказах «Мост», «Арка Правосудия», «Suog Strega», «Перстень», «Чудо», «Чума», «Траурный мадригал»). Фрагмент Неаполя оказывается объектом самостоятельной рефлексии, пространством действия, персонажем, исходной и/или финальной точкой повествования, метафорой (так, мост Санита — метафора перехода из Иного мира к витальности южного города и одновременно перехода из этого мира на тот свет; арка у церкви Сант-Элиджо-Маджоре олицетворяет «эталонное правосудие»⁴⁹; Фонтанелле — символ человеческого желания «заставить загробный мир принять участие в жизни мира земного»⁵⁰ и др.).

Важнейшее место в «Дневнике, писавшемся ночью» занимает итальянская живопись, являющаяся, по словам Э. Беньковской, «прославлением красоты мира и приятием его открытости “другому измерению”, столь значимому для Герлинга»⁵¹, фрески и скульптуры неаполитанских церквей. Рассыпанные по тексту экфрасисы оборачиваются рефлексией по поводу исторических событий прошлого и современности, психологическим этюдом в попытке разгадать ощущения автора, проекцией собственных состояний. Так, один из постоянных мотивов дневника — мрачное «Распятие» Мазаччо в галерее Каподимонте, с которым Герлинг соотносит впечатления текущей жизни. Рассуждения о неаполитанском барокко, являющемся «выражением подлинной души Неаполя», порождают

⁴⁷ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись / пер. И. Адельгейм. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 65.

⁴⁸ Мальцев 2008: 69.

⁴⁹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. T. 3. 1993–2000. S. 129.

⁵⁰ Ibid. S. 429.

⁵¹ Bieńkowska 2002: 93.

«метафизическую интерпретацию знаков»⁵² и одновременно психологическое откровение:

У истоков неаполитанского барокко лежит спонтанность. <...> Спонтанность цветов, форм, композиций, борьбы света и тени, пульсирующего, почти судорожного сплетения зримого и незримого. <...> В готической церкви Санта-Кьяра, одной из самых красивых в Италии, я всегда чувствовал себя словно бы вне города, словно на давно затопленном острове, вдруг вынырнувшем из моря. <...> Не исключено, что моя привязанность к Санта-Кьяре — инстинктивное бегство от барочного неаполитанского безумия⁵³.

Герлинг постоянно обращается к городским хроникам⁵⁴, легендам, слухам⁵⁵, сообщениям в прессе. При этом его интересует то, что находится за пределами прочитанного и услышанного: в рамках очевидного помещается (а точнее — извлекается в процессе повествования) загадочное, зачастую — необъяснимое. Руководствуясь «реалистической дисциплиной и барочной изобретательностью»⁵⁶, манипулируя границей между вымыслом и документальностью, превращая «обманчивую действительность в правду воображения»⁵⁷, Герлинг создает рассказы-притчи о человеческих страстях и силах, воздействующих на человеческую судьбу. Работа с хрониками оказывается также лабораторией политических и метафизических гипотез и параллелей. Наиболее яркими примерами могут служить рассказы «Чудо» и «Чума в Неаполе. Рапорт о чрезвычайном положении»,

⁵² Мальцев 2004: 271.

⁵³ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 269.

⁵⁴ Он называл себя «страстным читателем старых хроник» (*Radość daje pisanie we własnym języku. Rozmowa z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim // Kontakt*. 1985. № 7/8 (39–40). S. 43. Цит. по: Kudelski 1991: 109) и полагал, что «некоторые главы темной истории человечества <...> могут быть переданы только пером совершенно бесстрастного хрониста» (*Bolecki 1991: 21*). Однако образцом для Герлинга служили скорее ««горячие» апокрифические «Итальянские хроники» Стендаля» (*Bieńkowska 2002: 118*). О «целенаправленной трансформации» Герлингом модели стендалевских «Итальянских хроник» см.: Мальцев 2008: 66–84. В любом случае на протяжении всего творчества именно хроника оставалась для Герлинга излюбленной моделью повествования.

⁵⁵ М. Вильк писал о «пересыпанных слухами неаполитанских сюжетах» Герлинга (*Wilk M. Przechadzki z cieniem. Śladami Herlinga po Neapolu*. Pyrzany: Mykietów, 2024. S. 49).

⁵⁶ Мальцев 2008: 68.

⁵⁷ *Wilk M. Przechadzki z cieniem*. S. 120.

повествующие соответственно о бунте Мазаньелло 1647–1648 гг. и о неаполитанской чуме 1656 г., предстающие параболлами событий в Польше и одновременно универсальными притчами о механизмах манипуляции власти, о болезни и гибели общества, о «победе чумы над миром»⁵⁸.

Но очевидно, что использование неаполитанских хроник также способствовало адаптации эмигранта: ранний рассказ «Мост» имеет подзаголовок «Из хроники нашего города», назван «нашим городом»⁵⁹ Неаполь также в «Руинах». Обращение к городским хроникам, включение себя (посредством использования излюбленного Герлингом условно-автобиографического рассказчика) в число хронистов, выработанный писателем жанр рассказа-гипотезы, рассказа-расследования, реконструкции частной истории, связанной с Неаполем, и разгадывания «узора судьбы» человека и города — это и способ освоения чужого пространства.

Мироощущение неаполитанцев оказалось созвучно вектору художественной рефлексии писателя. Его привлекали ориентация на универсальное (в противовес польскому национальному «эгоцентризму»), интенсивность и открытость переживания, свобода сосуществования языческого с христианским и рационального с мистическим, занимали и поражали фамиллярные отношения со смертью:

На кладбище Поджореале <...>. Шумная, пестрая толпа с букетами и сумками с едой, повсюду дети, которым покупают у кладбищенских ворот сладости, шарики, пластмассовые вертушки. День поминовения усопших? *Festa*, совместный праздник живых и мертвых! <...> В этом городе отношение к физической и естественной смерти настолько доверительно, словно Поджореале — не кладбище, но особый, “специальный” район Неаполя⁶⁰.

Структура Неаполя (города, открытого подземному миру и общающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) близка нарративной стратегии писателя. Следуя «одновременно по двум дорогам» (документа и художественного вымысла), Герлинг выстраивает между ними «все новые разнообразные

⁵⁸ Bolecki 1998: 102.

⁵⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 711.

⁶⁰ *Ibid.* S. 595.

мостики, заставляет пересекаться и сплетаться, загоняет читателя в тупик и предоставляет самому выбирать из него, а затем открывает новые перспективы, оборачивающиеся иллюзией, подобно тому, как барочный плафон притворяется открытым небом»⁶¹. Эта полярная двойственность Неаполя («подвешенное состояние между Чудом и Вулканом»⁶²) необычайно созвучна самому мироощущению писателя, в основе которого лежит опыт Иного мира: лагерь породил не только «беспощадный морализм» Герлинга, но и «чувствительность <...> сродни манихейству», предполагающему «наличие двух четко разделенных принципов, на конфликте которых строится история мира: добра и зла, света и тьмы»⁶³. Очевидно, Неаполь, главными чертами которого Герлинг полагал «достоинство, сочетающееся с горечью»⁶⁴, сформировал или укрепил экзистенциальную антропологию польского писателя и помог ему выжить:

Можно сказать, что Герлинг возродился после войны — и личной потери — благодаря этим двум принципам. Что человек обладает судьбой и должен ее принять и как-то познавательно и творчески использовать; и что мир существует — реальный, плотный, неподатливый — и в то же время изредка позволяет разглядеть сквозь себя нечто иное, нечто “сверх”⁶⁵.

С точки зрения художественно-психологических механизмов адаптации, обживания эмигрантом чужого пространства в слове и жизни, наиболее значимыми в этом диалоге писателя и города представляются две функции — посредничества и двойничества.

В качестве пространства-посредника Неаполь дарит возможность пережить в слове невозможное или замалчиваемое. Город порождает персонажей-призраков:

[Я] едва добрел до Санта-Кьяры. Там было пусто, ни души. Я рухнул на скамью возле единственного освещенного бокового алтаря и тут

⁶¹ Czermińska 2000: 50.

⁶² *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 169. Т. Бурек предложил для дневника Герлинга альтернативное название: «Дневник, писавшийся под вулканом» (*Sawicka E.* Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa: Most, 1997. S. 64).

⁶³ Pomian 2000: 47.

⁶⁴ *Herling-Grudziński G., Marrone T.* Pod światło. S. 101.

⁶⁵ Bienkowska 2002: 125.

же погрузился в привычное уже для меня состояние полудремоты-полугаллюцинации. <...> Кто-то легонько толкнул меня. Рядом стоял звонарь Санта-Кьяры, маленький высохший францисканец <...>. Он шепнул мне на ухо: “Они говорят, что у меня большое сердце, хотят отобрать мой колокол. <...> Я умру без моего колокола <...>”. Мне захотелось утешить его и обнять, однако, когда я сделал энергичное движение, собираясь встать со скамьи, рядом уже никого не было⁶⁶.

Главный из этих признаков — тень первой жены⁶⁷, которую Герлинг почти никогда не называет в тексте по имени, обращаясь к ее памяти лишь при помощи аллюзий или мистификаций. Так, в приведенной сцене покойная жена является повествователю, словно бы просвечивая через реальную фигуру неаполитанского звонаря (которая также затем обретает автобиографическое измерение):

[М]не показалось, будто кто-то обращается ко мне едва слышным голосом. Кто? Человек, смерть которого я оплакивал. <...> Быть может, это она — та, что бежала от меня в страну теней, — жаловалась в Санта-Кьяре, что умрет без своего колокола?⁶⁸

Неаполь-посредник дает Герлингу возможность, не открываясь, сказать о замалчиваемом еврейском происхождении⁶⁹ — «комплексе происхождения»⁷⁰, в котором писатель сам признавался в опубликованном посмертно (2018 г.) личном дневнике 1957–1958 гг. Причины этого молчания могли быть разными (это отдельная тема, связанная с польско-еврейскими отношениями в XX в.), однако в любом случае речь идет об отсутствии такой формулы идентичности, которая позволила бы естественно и свободно принять одновременно и польскость, и еврейскость — не только без опасений, связанных

⁶⁶ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 446.

⁶⁷ Мальцев, проводя параллель с дневником-письмом Ежи Стемповского «Записки для призрака» (1940–1941 гг.), адресатом которого была покойная подруга автора, заметил, что «точно так же в “подводном течении” “Дневника, писавшегося ночью” спрятан “секретный” адресат — “тень К.”» (Мальцев 2008: 74).

⁶⁸ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 455.

⁶⁹ О комплексе происхождения Герлинга, месте в его творчестве еврейской проблематики и возможных связях между ними см.: Tomassucci 2020; Tokarska-Bakir 2015; Przybylska 2011. См. также попытку реконструировать детские годы писателя: Furnal 2020.

⁷⁰ Herling-Grudziński G. Dziennik 1957–1958. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. S. 165.

с антисемитизмом (межвоенным, военным — в том числе в армии Андерса, послевоенным), но прежде всего без риска оказаться помещенным в определенную «нишу», схему восприятия.

Именно это, очевидно, обрекло на неудачу попытки Герлинга написать автобиографический роман, о чем он мечтал: «Счастлив тот, кто смог ее (реальность детства. — *И.А.*) описать и запечатлеть навсегда. Я завидую Милошу, что у него есть “Долина Иссы”»⁷¹.

Во время одного из моих приездов в Неаполь он с огромным сожалением сказал, что не смог написать такой роман, как “Долина Иссы” Милоша, прекрасную историю о детстве и взрослении мальчика. Я ответила: “Потому что пришлось бы написать всё...”. Он внимательно взглянул на меня. Мы не произносили слов “происхождение”, “еврейские корни”, но было понятно, что имеется в виду. <...> Видимо, он был убежден, что польский писатель не может быть евреем⁷².

Однако последний законченный рассказ Герлинга — «Погребальный звон по звонарю» — удивительная попытка коснуться и невысказанного, и самой боли этой невысказанности. Герой его — чудом спасенная жертва Хрустальной ночи, «недосгоревший еврейский мальчик, немое существо и продукт нашего проклятого века»⁷³, впоследствии звонарь в неаполитанской церкви Санта-Кьяра, навсегда сохранивший печать травмы и инакости. Авторской проекцией являются здесь одновременно и рассказчик, собирающий крохи биографии героя, и сам герой, не способный рассказать о себе, «замурованный»⁷⁴ внутри себя, лишь на время отчасти открывающийся миру и спустя десятилетия восстанавливающий свою идентичность. Автор «дарит» ему происхождение из рода Нафтали — эта фамилия встречается в семье писателя⁷⁵.

Неаполь, воспринимаемый Герлингом как город, знающий цену страданию, становится также пространством-двойником, которое примиряет с собственной судьбой, уже не представляющей трагическим исключением (эта перспектива была заложена еще в лагере — писатель ощущает, а затем описывает свой опыт как экзистенциальный,

⁷¹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 88.*

⁷² *Гроховская М. Ежи Гедройц. С. 314.*

⁷³ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 503.*

⁷⁴ Там же. С. 483.

⁷⁵ *Bolecki 2005: 224.*

общий с другими узниками). Это восприятие города воплощается в персонажах и сквозных мотивах — своеобразных автобиографических мини-параболах:

— Образы неприкаянных обитателей Неаполя разных эпох и статусов — будь то нищий по прозвищу *Il Pipistrello* («летучая мысль среди людей»⁷⁶) в рассказе «Мост», полувзрослый-полуребенок звонарь в рассказе «Погребальный звон по звонарю», «блуждающий памятник одиночеству»⁷⁷ Ренато Каччополи, узник Капель Нуово Томмазо Кампанелла с его «бесконечным одиночеством заключения»⁷⁸ или Хусепе де Рибера — закончивший свои дни в Неаполе уроженец Валенсии.

— Мотив ветшания Неаполя с его «тайной горькой улыбкой королевского града, постепенно превращающегося в помойку истории»⁷⁹, города «больного и измученного», «смертельно больного и печально прекрасного». Герлинг неслучайно рекомендует иностранцу почаще ходить на Позиллипо, откуда в солнечные дни можно увидеть «горячий румянец на бледных щеках» Неаполя — именно страдания города «примирают»⁸⁰ с ним как местом изгнания.

— Родственный предшествующему мотив «умирания» моря: «Но и здесь, в пятидесяти километрах от Неаполя, море постепенно умирает»⁸¹; «Агонизирующее море плеснуло мертвой волной»⁸².

— Мотив феррагосто и самоубийств — космологическая параболла, воплощающая зависимость индивидуального бытия от природного цикла, также акцентирующая неуникальность личного отчаяния, утраты, ощущения пустоты («Мне известны случаи, когда августовская пустота Неаполя убивала человека. И по собственному опыту знаю облегчение, которое приносит постепенное оживление улиц и закоулков к концу месяца»), переживание «мертвенности, словно после стихийного бедствия, подталкивающей к воспоминаниям»⁸³.

— Тяготение над мироощущением неаполитанцев тени «Везувия-убийцы»⁸⁴, осмысляемое как ситуация постоянного напряжения,

⁷⁶ *Wilk M. Przechadzki z cieniem*. S. 44.

⁷⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 148.

⁷⁸ *Ibid.* S. 906.

⁷⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 39.

⁸⁰ *Ibid.* S. 212.

⁸¹ *Ibid.* S. 246.

⁸² *Ibid.* S. 252.

⁸³ *Ibid.* S. 459–460.

⁸⁴ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 691.

в какой-то степени отражающая собственную судьбу. «Сверкание глаз»⁸⁵ вулкана сопровождало Герлингу начиная с первой встречи с Италией: «Я впервые шагнул на итальянскую землю в 1944 году, в зареве проснувшегося Везувия, под дождем пепла и зловеще потемневшим небом»⁸⁶. Писатель не раз обращается к этому феномену «атавистической подготовленности» неаполитанцев к землетрясению и одновременно испытываемому ими «атавистическому ужасу»⁸⁷, постепенно включая себя в их число⁸⁸. В землетрясении Герлинг видит слепую и равнодушную к человеческой воле и человеческому страданию силу, воплощение бесчеловечности:

Войны, революции, бойни, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств⁸⁹.

Писатель, с одной стороны, разделяет исторические катаклизмы, которые постижимы человеком, словно бы скроены по его мерке, поскольку им же спровоцированы, — и землетрясение:

Война приучила нас к видам разрушенных городов, местечек и деревень, к пустыням щебня, из которых торчат скелеты домов, к кладбищам, образовавшимся под горами камня и железа. Почему же эта картина так потрясала? Если бы я умел это сказать! Если бы умел несколькими словами указать разницу между “человеческими” войнами и ударом “ниоткуда”!⁹⁰

С другой — не раз проводит параллель между ощущением бессилия человека по отношению к Судьбе как таковой, воплощением которой являются и землетрясение («Тот, кто здесь родился или давно живет, видимо, наделен врожденным или привитым ощущением

⁸⁵ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 691.

⁸⁶ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись*. С. 74.

⁸⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 677.

⁸⁸ Подробнее см.: Адельгейм 2020.

⁸⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 386.

⁹⁰ *Ibid.* S. 719.

непрочности земли и человеческой жизни»⁹¹), и исторические катастрофы («Лучше об угрозе Иного мира помнить ежедневно, ходить по земле <...> словно по тонкой корке едва застывшей лавы, чем предаваться иллюзиям»⁹²).

Проза писателя отразила сложный путь от внутреннего противостояния к приятию города. З. Кудельский назвал Герлинга «одним из немногочисленных писателей-эмигрантов, которые сумели врас-ти в место своего изгнания»⁹³. По словам Ю. Виттлина, «Неаполитанская «нашесть» Герлинга — ценный трофей, которому может позавидовать любая политическая эмиграция и любая литература»⁹⁴. Неаполь постепенно все же стал той самой вожаделенной «тенью», которой, по мнению Герлинга, лишается эмигрант.

Читая дневник «насквозь», можно заметить, что писатель периодически словно бы подводит итоги своего доверия / недоверия к Неаполю, близости / отъединенности от города:

Я думал о семнадцати проведенных здесь годах. Иностранец, долгое время живущий в Неаполе, пусть даже не мечтает укорениться⁹⁵ (1972 г.).

Двадцать два года в этом городе, не красивом и не уродливом, не любимом мною и не ненавистном, безразличном мне⁹⁶ (1977 г.).

[Н]еизлечимо чужой, к которому ты адаптировался лишь по вер-хам и в глубине души его ненавидишь⁹⁷ (1978 г.).

[Ч]то осталось на двадцать пятом году жизни в Неаполе от моей давней к нему антипатии. <...> Я очень долго жил ностальгией, а может, намеренно внушал ее себе. И не допускал мысли, что годы безжалостно уничтожат сохраненное памятью, подобно тому, как дождь смывает нарисованные на стекле картины. <...> В какой-то момент это стало происходить само собой и вот к сегодняшнему дню свершилось. <...> Нет смысла упорно сопротивляться возможности по-любить Неаполь⁹⁸ (1980 г.).

⁹¹ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 74.

⁹² Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 360.

⁹³ Kudelski 1991: 88.

⁹⁴ Wittlin 1997: 267.

⁹⁵ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 212.

⁹⁶ Ibid. S. 460.

⁹⁷ Ibid. S. 477.

⁹⁸ Ibid. S. 638.

Наконец, в 1992 г. устами Хусепе де Рибера Герлинг признается в любви к городу:

В сумерках Рибера с трудом, осторожно спускался на землю; церкви, опасаясь воров, запирали рано. Домой шел не сразу. У него была привычка стоять у стены на площади и подолгу вглядываться в панораму Неаполя <...>. Любил ли он этот город спустя столько проведенных здесь лет, любил ли место, где родились его жена и его дети? Или же втайне тосковал по родной Валенсии? Рибера не сумел бы однозначно ответить на эти вопросы. Бывало и так и эдак. Но однажды летним вечером, глядя сверху, как на Неаполь клубами опускается остывающий воздух, Рибера, который уже ясно предчувствовал, что месяцы его сочтены, понял, что Валенсия превратилась в мираж, в то время как город его живописных молитв и приближающейся смерти требовал примирения и безусловной любви⁹⁹.

Литература

- Адельгейм 2020 — Адельгейм И.Е. «У подножия трона властителя»: «Везувий-убийца» как катализатор прития судьбы у Густава Герлинга-Грудзинского // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 419–433.
- Гинзбург 1989 — Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Ленинград: Советский писатель, 1989. 608 с.
- Лахманн 2024 — Лахманн Р. Лагерь и литература. Свидетельства о ГУЛАГе. М.: НЛО, 2024. 584 с.
- Мальцев 2004 — Мальцев Л.А. Итальянские мотивы в «Дневнике, написанном ночью» Г. Херлинга-Грудзинского // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004. С. 271–280.
- Мальцев 2008 — Мальцев Л.А. Между Россией и Западом: традиция экзистенциализма в творчестве Г. Херлинга-Грудзинского. Калининград: Издательство РГУ им. Иммануила Канта, 2008. 244 с.
- Мальцев 2022 — Мальцев Л.А. Преодоление стереотипов: Ф.М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века. Калининград: Издательство БФУ им. Иммануила Канта, 2022. 214 с.
- Синатти 2013 — Синатти П. Густав Херлинг-Грудзинский и отвергнутое предисловие // Варлам Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/research/363/> (дата обращения: 12.03.2025).
- Bieńkowska 2002 — Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002. 176 s.

⁹⁹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 905.

- Bolecki 1991 — *Bolecki W.* Ciemny staw. Warszawa: Plejada, 1991. 88 s.
- Bolecki 1998 — *Bolecki W.* Posłowie // *Herling-Grudziński G.* Cud. Dżuma w Neapolu. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998. S. 61–102.
- Bolecki 2005 — *Bolecki W.* Ciemna Miłość. Szkice o twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 286 s.
- Czermińska 1982 — *Czermińska M.* Postawa autobiograficzna // *Studia o narracji.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982. S. 220–234.
- Czermińska 2000 — *Czermińska M.* Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie. Kraków: Universitas, 2000. 352 s.
- Furnal 1997 — *Furnal I.* Między kroniką a mitem // *Herling-Grudziński i krytycy.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 145–161.
- Furnal 2020 — *Furnal I.* Dobryś Bryczkowska i Jacob Josef Herling-Grudziński // *Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem.* Krosno: Wydawnictwo Humanistyczne Pigionianum, 2020. S. 53–91.
- Kudelski 1991 — *Kudelski Z.* Pielgrzym Świętokrzyski. Szkice o Herlingu-Grudzińskim. Lublin: Wydawnictwo FIS, 1991. 151 s.
- Orzeszkowa 1985 — *Orzeszkowa E.* Powieść a nowela // *Programy i dyskusje literackie okresu pozytywizmu.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1985. S. 383.
- Pomian 2000 — *Pomian K.* W kręgu Giedroycia. Warszawa: Czytelnik, 2000. 218 s.
- Przybylska 2011 — *Przybylska A.* „Don Ildebrando” w świetle „iettatury”. Próba interpretacji etnologicznej opowiadania Gustawa Herlinga-Grudzińskiego // *Teksty Drugie.* 2011. № 1–2. S. 289–312.
- Tokarska-Bakir 2015 — *Tokarska-Bakir J.* Gustaw Herling-Grudziński i legenda o krwi, czyli czy istnieje obowiązek bycia pisarzem żydowskim // *Studia Litteraria et Historica.* 2015. July. S. 312–334.
- Tomassucci 2020 — *Tomassucci G.* „Tymczasem palono Żydów”... Kilka uwag o stosunku Gustawa Herlinga-Grudzińskiego do żydowskości // *Włoskie Konteksty.* Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2020. S. 41–76.
- Wittlin 1997 — *Wittlin J.* Dar intelektu // *Herling-Grudziński i krytycy.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 263–268.

References

- Adel'geim, I. Je., 2020. “U podnozhii trona vlastitelia”: “Vezuvii-ubiitsa” kak katalizator priiatii sud'by u Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo [“At the foot of the throne of the ruler”: “Vesuvius the Killer” as a catalyst for the accepting one's fate in Gustaw Herling-Grudziński's oeuvre]. In: *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 419–433. (in Rus.)
- Biełkowska, E., 2002. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warszawa: Zeszyty Literackie, 176 p.

- Bolecki, W., 1991. *Ciemny staw*. Warszawa: Plejada, 88 p.
- Bolecki, W., 1998. Posłowie. In: Herling-Grudziński, G., *Cud. Dżuma w Neapolu*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, pp. 61–102.
- Bolecki, W., 2005. *Ciemna Miłość. Szkice o twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 286 p.
- Czermińska, M., 1982. Postawa autobiograficzna. In: *Studia o narracji*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 220–234.
- Czermińska, M., 2000. *Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie*. Kraków: Universitas, 352 p.
- Furnał, I., 1997. Między kroniką a mitem. In: *Herling-Grudziński i krytycy*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 145–161.
- Furnał, I., 2020. Dobryś Bryczkowska i Jacob Josef Herling-Grudziński. In: *Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem*. Krosno: Wydawnictwo Humanistyczne Pigionianum, pp. 53–91.
- Ginzburg, I. Ia., 1989. *Chelovek za pis'mennym stolom. Esse. Iz vospominanii. Chetyre povestvovaniia* [A man at a desk. Essays. Memoirs. Four narratives]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 608 p. (in Rus.)
- Kudelski, Z., 1991. *Pielgrzym Świętokrzyski. Szkice o Herlingu-Grudzińskim*. Lublin: Wydawnictwo FIS, 151 p.
- Lachmann, R., 2024. *Lager' i literature. Svidetel'stva o GULAge* [Camp and Literature: Testimonies of the Gulag]. Moscow: NLO, 584 p. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2004. Ital'ianskie motivy v "Dnevnikе, napisannom noch'iu" G. Herlinga-Grudzin'skogo [Italian motifs in 'Diary Written at Night' by G. Herling-Grudziński]. In: *Mif Jevropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii*. Moscow: Indrik, pp. 271–280. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2008. *Mezhdru Rossije i Zapadom: traditsiia ekzistentsializma v tvorcestve G. Kherlinga-Grudzin'skogo* [Between Russia and the West: The Existentialist Tradition in the Work of G. Herling-Grudziński]. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU im. Immanuila Kanta, 244 p. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2022. *Preodolenije stereotipov: F.M. Dostojevskii v vospriatii pol'skikh pisatelei-emigrantov XX veka* [Overcoming stereotypes: F.M. Dostoevsky in the perception of Polish emigrant writers of the twentieth century]. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. Immanuila Kanta, 214 p. (in Rus.)
- Orzeszkowa, E., 1985. Powieść a nowela. In: *Programy i dyskusje literackie okresu pozytywizmu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, p. 383.
- Pomian, K., 2000. *W kręgu Giedroycia*. Warszawa: Czytelnik, 218 p.
- Przybylska, A., 2011. „Don Ildebrando” w świetle „iettatury”. Próba interpretacji etnologicznej opowiadania Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. *Teksty Drugie*, 1–2, pp. 289–312.
- Sinatti, P., 2013. Gustav Herling-Grudzinski i otvergnutoje predislovije [Gustaw Herling-Grudzinski and rejected preface]. In: *Varlam Shalamov*. URL: <https://shalamov.ru/research/363/> (accessed: 12.03.2025).

- Tokarska-Bakir, J., 2015. Gustaw Herling-Grudziński i legenda o krwi, czyli czy istnieje obowiązek bycia pisarzem żydowskim. In: *Studia Litteraria et Historica*, July, pp. 312–334.
- Tomassucci, G., 2020. “Tymczasem palono Żydów”... Kilka uwag o stosunku Gustawa Herlinga-Grudzińskiego do żydowskości. In: *Włoskie Konteksty*. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, pp. 41–76.
- Wittlin, J., 1997. Dar intelektu. In: *Herling-Grudziński i krytycy*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 263–268.

Irina Ye. Adel'geim

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies
RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Deferred Love: Gustaw Herling-Grudziński's Naples

The article analyses the role of Naples in the work of Gustaw Herling-Grudziński (1919-2000), one of the most eminent Polish emigrant writers of the twentieth century. Herling spent here almost half a century (1955–2000) and his prose reflects a complex path from confrontation to acceptance of the city. The analysis is primarily based on the writer's diary (*Diary Written at Night*), published between 1971 and 2000. The article also considers biographical facts (Gulag, Anders' army, emigration) that are significant for understanding the formation of Herling's worldview and perspective. Herling's diary, which includes essays and stories, is a striking example of the interpenetration of the documentary and the artistic, the progressive and the retrospective, the experience of creating a single field of reference, always unfinished and open. The mentality of the Neapolitans was in tune with the vector of the writer's artistic reflection; the structure of Naples (a city open to the underworld and communicating with it; a labyrinthine city; a city standing at the foot of a volcano) is closely resemblant to Herling's narrative strategy. Naples (everyday observations, architecture, paintings, sculptures, city chronicles, legends, rumours, etc.) is above all a source of inspiration and reflection for Herling, on the basis of which, manipulating the boundary between fiction and documentary, he creates allegoric stories about human passions and destinies, as well as historical similes. Turning to the city's past was also a way of adaptation for the emigrant writer. From the point of view of artistic and psychological mechanisms of inhabiting a foreign space, two functions seem to be the most significant ones in the dialogue between the writer and the city: Naples plays the role of an intermediary space, which allows us to experience in the text the impossible (meeting with the dead wife) or the silenced (Jewish origin), as well as a doppelganger space, which comforts and reconciles us with our own dramatic fate, which thus appears not as an exception, but as a variant of the universal.

Keywords: diary, document, fiction, adaptation, mediating space, doppelganger space

Received: 28 February 2025

Accepted: 12 April 2025

How to cite: Adel'geim, I.Ye., 2025. Otsrochennaia liubov': Neapol' Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo. *Central-European Studies*, 8, pp. 91–114. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.4>